

Л.П. Моисеева

Мотив дороги в «Мертвых душах»

Особое место занимают отступления, где говорится о дороге — дороге в прямом и переносном смысле слова. Известны слова Гоголя о том, что России всегда мешали жить «дороги и дураки». «Дураков» мы достаточно видели в «Мертвых душах», теперь обратимся к «дорогам». Гоголь относился к тому типу людей, которых постоянное, спокойное пребывание в одном месте приводит в уныние. По общему мнению, ученый, писатель должен быть затворником, искать уединения, бежать от суеты, чтобы творить. В 1839 году Гоголь писал из Вены С. Шевыреву (известному историку литературы, критику, издателю, профессору Московского университета):

«Странное дело, я не могу и не в состоянии работать, когда я предан уединению, когда не с кем переговорить, когда нет у меня между тем других занятий и когда я владею всем пространством времени, неразграниченным и неразмеченным».

Своим антиподом в этом отношении он называет Пушкина:

«Меня всегда дивил Пушкин, которому для того, чтобы писать, нужно было забраться в деревню, одному, и запереться. Я, наоборот, в деревне никогда ничего не мог делать, где я один и где чувствовал скуку...».

Причем не просто смена обстановки нужна была писателю, ему требовался сам процесс переезда с одного места на другое, постоянное движение, смена впечатлений — иными словами — дорога:

«Я надеюсь много на дорогу. Дорогою у меня обыкновенно развивается и приходит на ум содержание; все сюжеты почти я обделываю в дороге».

В каком бы ни был писатель угнетенном состоянии духа, дорога восстанавливала его нравственные силы. Гоголь писал из Рима С.Т. Аксакову (1841):

«Теперь мне нужны необходимо дорога и путешествие: они одни... восстанавливают меня».

Даже физические недомогания проходили в дороге:

«Не думайте, что с моим здоровьем трудно скитаться по белу свету... Напротив, я только тогда и чувствовал себя хорошо, когда бывал в дороге. Дорога меня спасала всегда, когда я засиживался долго на месте или попадал в руки докторов».

«Как я ни слаб и хил, но чувствую, что в дороге буду лучше, и верю, что Бог воздвигнет мой дух... О комфортах не думаю. Жизнь наша — трактир и временная станция...»

Со временем подобные рассуждения превратили Гоголя в философа-стойка. Панацеей от всех бед он стал считать дорогу, а жизнь воспринимать как недолгую остановку в пути.

В «Мертвых душах» истинным приверженцем жизненной позиции автора становится главный герой — Павел Иванович Чичиков. Он тоже чувствует себя хорошо только в дороге. Она-то и привела его в город N, а затем его бричка покатила проселочными путями по очереди к пяти помещикам, некоторое время в бездействии стояла во дворе гостиницы и, наконец, после основательной починки, унесла героя прочь.

Гоголь посвящает не одно лирическое отступление дороге, описанию ее и рассуждениям о ней. В первую очередь, это жалобы. Так, Чичиков хотя и «намекнул» губернатору на то, «что в его губернию въезжаешь, как в рай, дороги везде бархатные», отправляясь с визитом к Манилову, на себе ощутил (и, наверное, не в первый раз) тоску русских дорог. Дело в том, что мостовая в любом русском городе «имела подкидывающую силу»,

и бричка «пошла прыгать по камням». Только увидев шлагбаум, герой понял, «что мостовой, как и всякой другой муке, будет скоро конец; и еще несколько раз ударившись довольно крепко головою в кузов.., понесся наконец по мягкой земле». Однако перед деревенской «бревенчатой мостовой» и «городская каменная была ничто». Ведь «бревна, как фортепьянные клавиши, подымались то вверх, то вниз, и необерегшийся ездок приобретал или шишку на затылок, или синее пятно на лоб, или же случалось своими собственными зубами откусить пребольно хвостик собственного языка». Прибегает ли автор к гиперболе, судить читателю.

Гоголь сочувствует герою и описывает его страдания со знанием дела, как человек, испытавший их на себе. Однако путешествие по «мягкой» дороге тоже не всегда бывает приятным, так как вид по сторонам навеивает скуку, типично русский вид: «дичь», «вздор», то есть унылые деревья, «жидкие кусты», деревни с «серыми крышами», праздные мужики, равнодушные бабы, тут же свиньи и телята — «словом, виды известные». Но к подобным картинам герой привык с детства: хотя его, в первый раз попавшего в город, и поразили «нежданным великолепием городские улицы», однако при подъезде к домику родственницы, у которой оставил его отец, лошадь «бултыхнула с тележкой в яму, которою начинался узкий переулочек, весь стремившийся вниз и запруженный грязью; долго работала... там всеми силами и месила ногами», прежде чем втащила седоков во двор.

Отметим, что контраст, на котором построена предыдущая сцена, — один из излюбленных художественных приемов Гоголя. Так, на вечер к губернатору Чичиков «покатился... по бесконечно широким улицам, озаренным *тощим освещением*». Контрасты русской жизни, загадочная русская душа — вот что определяет художественную ткань поэмы Гоголя. Пусть все события, все герои произведения — фикция, мнимость, иллюзия, они имеют конкретный адрес — место и время. Всё происходит в России с русским человеком.

Вернемся к теме дороги. После грозы, заставившей героя остановиться у Коробочки, «земля до такой степени загрязнилась, что колеса брички, захватывая ее, сделались скоро покрытыми ею, как войлоком, что значительно отяжелило экипаж; к тому же почва была глиниста и цепка необыкновенно. То и другое было причиною, что они не могли выбраться из проселков раньше полудня». Кроме того, сориентироваться на русских проселках было очень трудно, «потому что дороги расплзались во все стороны, как пойманные раки, когда их высыпят из мешка». Россия необъятна, поэтому русских верст не сосчитать, здесь нечего мелочиться, и «если приятель приглашает к себе в деревню за пятнадцать верст, то значит, что к ней есть верных тридцать».

Главный герой — неутомимый путешественник, к тому же человек, безусловно, энергичный и выносливый, преодолевающий ради своей цели все препятствия, если при таких дорогах сумел навестить пятерых помещиков и вернуться в город целым и нередимым. Но автор не мог не изобразить новых страданий героя, испытанных им при въезде в город: «Гром и прыжки дали заметить, что бричка въехала на мостовую», еще несколько неприятных впечатлений — и она, «сделавши порядочный скачок, опустилась, как будто в яму, в ворота гостиницы».

Лирическое рассуждение о двух типах писателей в седьмой главе Гоголь предваряет развернутым сравнением, также связанным с образом дороги. Писатель, изображающий «счастливую» действительность и никогда не опускающийся до изображения прозы жизни, сравнивается с путником, «который после длинной, скучной дороги, с ее холодами, слякотью, грязью, невыспавшимися станционными зрителями, бряканьями колокольчиков, починками, перебранками, ямщиками, кузнецами и всякого рода дорожными подлецами, видит наконец знакомую крышу» и любимую семью. Сколько раз Гоголю приходилось испытывать на себе «холод» и «грязь» российских дорог и сталкиваться с «дорожными подлецами»! Однако Чичиков (герой загадочный и хитроумный) придумал

средство борьбы с подобными неурядицами: он имел «саблю, которая ездил с ним в дороге для внушения надлежащего страха кому следует». Сам Гоголь вряд ли имел в пути средство для устрашения кого-либо, он грустил, и вся жизнь, «громодно несущаяся», предстала в его поэме вечной дорогой, часто «горькой и скучной».

Однако жалобы автора перемежаются с восторженными похвалами тому тайному ощущению счастья, невольной и неясной радости, которое возбуждает в нем дорога — проверенное лекарство от житейских бед:

«Какое странное, и манящее, и несущее, и чудесное в слове: дорога! как чудна она сама, эта дорога...»

Автора потрясает и захватывает простор, открывающийся по сторонам: «...неведомый город, церкви с старинными деревянными куполами... бревенчатые и... каменные дома. Сияние месяца... Один-одинешенек... брезжит огонек... поля и степи... всё открыто... плотина... пруд... деревня..., как звезда, блестит... крест сельской церкви...» Путника сопровождает песня «Не белы снега», бесконечный «шум колес», и «станции» «бегут» назад, а «верста с цифрой летит... в очи». Даже холод и ночь кажутся «славными», путник чувствует себя наедине со вселенной: простор вокруг, простор в душе, заботы остаются позади, как верстовые столбы, а над головой — «небо, далекое, высокое, там, в недоступной глубине своей, так необъятно, звучно и ясно раскинувшееся!..» Ликующий гимн дороге исторгается из уст автора, вновь, как в юности, ощутившего себя романтиком:

«Боже! Как ты хороша подчас, далекая, далекая дорога! Сколько раз, как погибающий, хватался я за тебя, и ты всякий раз меня великодушно выносила и спасала! А сколько родилось в тебе чудных замыслов, поэтических грез, сколько перечувствовалось дивных впечатлений!..»

Как бы ни была тяжела жизнь, как ни грустны лица и события, побудившие взяться за перо, всегда можно воскликнуть: «В дорогу! в дорогу!». И тогда — «прочь набежавшая на чело морщина и строгий сумрак лица», и «жизнь со всей ее беззвучной трескотней и бубенчиками» вдруг окажется веселее и привлекательнее, чем прежде.

Автор наделяет Чичикова — своего любимого героя, который к концу повествования становится ему ближе и ближе, тонкими чувствами, «известными всякому путешественнику»: он перед дорогой находится в том удивительном состоянии, «когда человек не принадлежит ни к дороге, ни к сиденью на месте». Душа его неспокойна, и только долгожданное путешествие способно привести в равновесие чувства и мысли. Гоголь передает даже темп движения брички Чичикова. При выезде из города она движется еще медленно, и герой успевает рассмотреть «дома, стены, забор и улицы», но, после того как шлагбаум остался позади, она начала двигаться быстрее: «пошли... писать версты, станционные смотрители, колодцы, обозы...», и, наконец (когда герою уже приелся пейзаж за окном), темп вновь снижается, и можно уже спокойно смотреть на «серые деревни с самоварами, бабами и бойким бородатым хозяином... городишки... с деревянными лавчонками, мучными бочками, лаптями, калачами и прочей мелюзгой, рябые шлагбаумы, чинимые мосты, поля неоглядные...», а впереди — «горизонт без конца...».

На последних страницах поэмы Гоголь окончательно и бесповоротно причисляет Чичикова к ярким представителям русской нации, ведь герой его «любил быструю езду». Далее следует короткий восторженный дифирамб стремительному движению, перебиваемый риторическими вопросами и восклицаниями:

«И какой же русский не любит быстрой езды? Его ли душе, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: “Черт побери всё!” — его ли душе не любить ее? Ее ли не любить, когда в ней слышится что-то восторженно-чудное?»

Этот дифирамб перерастает в ликующий гимн Руси, «той земле, что... ровнемагладнем разметнулась на полсвета». Бричка Чичикова, запряженная тройкой коней, «понеслась» по ней в неведомую даль: «...кони вихрем, спицы в колесах смешались в один

гладкий круг...». Гипербола — преувеличение происходящего — постепенно перерастает в гротеск — преувеличение, придающее повествованию фантастический характер: «... не молния ли это, сброшенная с неба?.., что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях?..», которые «заслышали с вышины знакомую песню, дружно и разом напрягли медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху...» Автор, применяя развернутое сравнение, соединяет в своем воображении Русь и «бойкую необгонимую тройку». Вопрос, который пытался разрешить автор на протяжении всего произведения: «Русь, куда ж несешься ты?..», — остается без ответа. Тайна не разгадана, однако всё, что мог автор привести в движение, обратить в жизнь, сливается теперь с образом родины, и она «мчится, вся вдохновенная Богом!..», и «летит мимо всё, что ни есть на земли, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства».